

Э. Серени

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА И ЕЕ ГРАНИЦЫ В ДРЕВНЕЙ ЛИГУРИИ¹

И в одном географическом районе Апеннинского полуострова внутренняя структура и территориальные границы пага (*pagus*) не засвидетельствованы такими достоверными документами, как Таблица Польчеверы² и Ипотечная таблица Велейи из Лигурии³. Нет ничего удивительного поэтому, что ученые, занимавшиеся изучением древнейших сельских общин Италии, особенно часто ссылаются на Лигурию. Еще во второй половине прошлого столетия началась дискуссия относительно выявления на сопредельных землях, описанных так подробно в таблице Польчеверы, *ager publicus* и *ager privatus* общины *Langates*, находившейся на сельской территории Генуи. И все же до сих пор организация лигурийского пага, и вообще доримского пага, не стала еще предметом систематического исследования, адекватного важности предмета. Большинство ученых, занимавшихся этими вопросами, исходили из интересов, отличных от специального исследования структуры этих древнейших общин. Чаще всего, изучая историческую географию или условия сельских общин и общественных земель в римский или средневековый период и обращаясь к истокам истории только для выяснения первоначального происхождения этих условий, они были вынуждены, лишь между прочим, переносить свое внимание на вопрос организации доримского пага⁴.

Безусловно, в данной статье автор не претендует на рассмотрение всего комплекса проблем, связанных с этим предметом, в специальное исследование которого автор стремился внести свою лепту книгой, уже вышедшей из печати⁵. В данной же статье автор остановится на структуре лигурийского пага и, особенно, на результатах своих исследований лишь в той мере, в какой это необходимо для решения более узкой задачи, которую автор перед собой ставит здесь, а именно вопроса о конфигурации и границах пага в доримской Лигурии.

Расселение по пагам, как известно, не является исключительной чертой только лигурийских племен, хотя для них оно сохраняет, даже в исто-

¹ Авторизованный перевод статьи E. Sereni, опубликованной в RSL, anno XX (1954), № 1 (перевод А. Г. Периханян).

² CIL, I, 199; V, 7749. Текст весьма важной надписи, цитируемой под названием «*Sententia Minuciorum*», ср. FIR, III, стр. 504 сл.

³ CIL, IX, 1147. Для библиографии Ипотечной (или Алиментарной, Хлебной) таблицы города Велейи ср. FIR, III, стр. 374 и работы де Паштэра и Форментини (см. ниже).

⁴ Так, например, Мэнгоцци, Боньетти, де Паштэр и многие другие, к важнейшим работам которых автор будет обращаться в ходе данного исследования.

⁵ E. Sereni, *Comunità rurali nell'Italia antica*, Roma, 1954.

рическую эпоху, особенное значение. Эта форма расселения встречается, хотя и под разными названиями и с некоторыми своеобразными отличиями, среди разнообразных племен италийских, греческих, кельтских, германских и славянских.

Французские ученые Жюллиан, Гренье, де Паштэр¹ особенно подчеркивали «естественный, природный» характер границ пага. Именно этим природным характером границ пага часто объясняли его жизнеспособность, то, что в лигурийском ареале разделение на pagi существовало в течение веков и даже тысячелетий. Несомненно, для образования пага, в отличие от более поздних территориальных организаций государственного типа, например римской *civitas*, средневекового графства или современной провинции, имела большое значение, как писал Маркс, та «наивная непосредственность», с которой примитивные общины относились к земле как к собственности самого коллектива, как к великой лаборатории, арсеналу, доставляющему и средство труда, и материал труда, и место для поселения, как к базису коллектива². Таким образом, по своей конфигурации и границам паг обладает тенденцией к слиянию с геологической и растительной конфигурацией местности. Действительно, пользуясь выражением де Паштэра, паг часто предстает в виде «природного округа», «*santon naturel*», который в общих чертах соответствует определенной географической единице (например, долине, речному бассейну или горной котловине), «естественно» разграниченной. В этой связи очень характерен находимый в таблице города Велейи пример *pagus Ambitrebis*, который, как на это указывает само название, был расположен по обоим берегам реки Треббии и простирался, по-видимому, от холмов Траво до равнины. Согласно данным той же Ипотечной таблицы, паги *Albensis* и *Domitius* соответственно занимали территорию верхней и средней части долины реки Нурэ, паг *Statiellus* — территорию верхней части долины реки Арда и т. д.³

В другом районе Лигурии паги или *conciliabula*⁴ эктинов занимали территорию верхней части долины реки Тинеа, *pagi Vesubiani* — долину реки Везувия, *Esturi* — долину реки Стурь, *Quariates* — долину реки Квейрас и т. д.⁵

Однако было бы глубоко ошибочным смешивать организацию и конфигурацию пага с структурой неустойчивой зоны охоты, которую временно занимала примитивная орда или кочевое племя. В последнем слу-

¹ С. J u l l i a n, *Histoire de la Gaule*, P., 1920, I, стр. 174 слл.; А. G r e n i e r, *Les Gaulois*, P., 1945 и особенно F. G. D e P a c h t è r e, *La Table Hypothécaire de Veleia*, P., 1920, стр. 41 слл.

² К. М а р к с, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, ВДИ, 1940, № 1, стр. 10.

³ Мы придерживаемся здесь, при отождествлении пагов, указанных в таблице города Велейи, результатов исследований де Паштэра, исправленных и дополненных профессором У. Форментини — U. F o r m e n t i n i, *Forma Reipublicae Veleiatium*, «*Bollettino Storico Piacentino*», XXV (1930), 1; о н ж е, *Studi Veleiati e Bobbiesi*, «*Memorie dell'Accademia Lunigianese di Scienze*», XVII, 2; о н ж е, *Per la storia preromana del pago*, SE, III, стр. 51 сл.

⁴ О *conciliabula* у лигуров ср. L i v., XXXIV, 56: *coniuratione per omnia conciliabula universae gentis facta*. В *Lex Iulia Municipalis*, как известно, *conciliabula*, наряду с *coloniae*, *praefecturae* и *fora*, перечисляются среди административных единиц, учреждений или признанных Римом. *Conciliabula*, в отличие от *fora*, учреждаемых обычно римскими магистратами после завоевания, представляются как традиционные группировки общин среди местных племен, сконцентрированные не вокруг городского центра, а вокруг места сходов, откуда *conciliabulum* и получил свое название. В нашем очерке мы употребляем термин *conciliabulum* в условном смысле, принятом, однако, в настоящее время исследователями древней Лигурии как «группы или федерации пагов, пользующихся одним пастбищем», которое и является, между прочим, местом их *conciliabulum*, где происходят их общие собрания.

⁵ Ср. L a m b o g l i a, *Questioni di topografia antica nelle Alpi Maritime*, RSL, 1943, № 2-3; 1944, № 1-4.

чае отношение к территории имеет для данного племени чисто естественный характер. Что касается пага, то наоборот, отношение между определенной группой людей и территорией, которую он занимает постоянно, является непосредственным отношением в том смысле, что никакой посредник государственного типа не вмешивается, прежде всего, в его строение. Эта связь, однако, весьма далекая от сохранения своего чисто-натурального характера, является заключительным этапом длительного и сложного социально-исторического процесса. Образование пага вытекает не столько из определенного расположения холмов и долин, рек, лесов и лугов, сколько из определенных отношений между людьми и их отношений к географической среде.

В отличие от ученых французской школы, которые пытаются фетишизировать отношения между человеком и окружающей географической средой, ученые итальянской школы¹ часто подчеркивали решающее значение социально-исторического фактора в организации и конфигурации пага вообще и лигурийского пага в частности. При внимательном рассмотрении видно, что там, где новая скотоводческая, навигационная и сельскохозяйственная деятельность берут верх над охотой и собиранием дикорастущих плодов, значение «природного рельефа» и его границ коренным образом меняется. То, что было бесплодным берегом моря, может стать центром притяжения деятельности мореплавателей; плоскогорье из камней и песка, не представлявшее интереса для древних охотников и собирателей плодов, может стать основной базой для сельскохозяйственной деятельности новых общин, лесная же местность, некогда бывшая театром наиболее выгодных охотничьих экспедиций, может обратиться в пустынную пограничную полосу. Словом, в период расселения новые отношения и новые условия как бы увековечивают конфигурацию территории пага, несомненно, обусловленную данной природной средой, но природной средой, уже опосредствованной новой степенью развития общественных производительных сил и более сложными формами производственных отношений между общинами.

В подтверждение этого нашего положения можно сослаться на конкретный пример, приводимый Форментини в его исследованиях о происхождении округов в приходе Фрамуры и других приходов восточного побережья. Пример этот особенно показателен тем, что относится к зоне, оставшейся вне пределов римской колонизации, и, таким образом, последующие территориальные округа отражают здесь более непосредственно конфигурацию доримских пагов. Форментини показал², что в этом районе очертания древних пагов совпадают с данной географической средой, но в то же время они проявляют общую тенденцию к расширению даже от наиболее удаленных точек горной местности до хотя бы самой узкой, но береговой

¹ Так, U. F o r m e n t i n i, *Conciliaboli pievi e corti nella Liguria di Levante*, Accademia Lunigianese di Scienze, 1926; о н ж е, *Le origini di Genova*, «Il Comune di Genova, Bollettino Municipale», VII, (1926), № 2, стр. 137 слл.; о н ж е, *Ligures celeberrimi nella Riviera di Levante e nel suo retroterra*, RSL, 1949, № 3-4, стр. 209 слл. и другие, уже цитированные работы; B o g n e t t i, *Sulle origini dei Comuni rurali del Medioevo*, «Studi nelle Scienze giuridiche e sociali, Università di Pavia», X (1926), стр. 131 слл. и XI (1927), стр. 51 слл.; S e l l a, *La Vicinia come elemento costitutivo del Comune*, Milano, 1908; M e n g o z z i, *Il Comune rurale del territorio lombardo-tosco*, «La città italiana nell'Alto Medioevo», Firenze, 1931; стр. 323 слл.; G. D. S e r r a, *Continuità nel Medioevo delle comunità rurali romane e preromane dell'Italia superiore*, Cluj, 1931; N. L a m b o g l i a, *Liguria romana*, I, Alasio, 1939; о н ж е, *Questioni etnico-linguistiche sulla Valle del Rodano*, RSL, 1950, № 1-3, стр. 57 слл.; о н ж е, *Ipotesi sugli Indicetes e sugli Intemeli*, RSL, 1949, № 3-4, стр. 184 слл.; о н ж е, *Topografia storica dell'Ingaunia nell'antichità*, Albenga, 1933; о н ж е, *Il problema delle origini finalesi*, RSL, II (1935—1936), стр. 3 слл. и мн. др.

² U. F o r m e n t i n i, *Conciliaboli pievi e corti...*, стр. 12 слл.

полосы, где в редких изгибах крутого берега каждый паг располагает одной из тех якорных стоянок, о которых говорит Страбон (IV, 6, 2).

Число примеров можно было бы увеличить, не ограничиваясь только прибрежными пагами. Но мы предпочитаем остановиться на одной, очень распространенной особенности в конфигурации лигурийских пагов, которая лучше других поможет выяснить исторические, а не просто природные факторы, обуславливающие эту конфигурацию.

Эта особенность предстает перед нами особенно ярко при уточнении не только расположения, но и природы границ пага. В Альпах высокий хребет, являющийся практически непреодолимым барьером, служит границей не только между пагами и племенами, живущими там, но и просто между *ropoli* двух склонов. Граница, впрочем, более идеальная, чем кака-либо другая, так как реальные связи (и противоречия) между людьми концентрируются вокруг переправ, а не вокруг непроходимых хребтов. Но когда с верхнего хребта спускаются к нижним, и особенно при переходе из Альп к Апеннинам, легко констатировать, что водоразделы далеко не всегда выполняют функции границы между пагами. Наоборот, очень часты примеры расположения территории пага по двум склонам, разделенным водоразделом. Но даже там, где нет твердого доказательства подобного расположения древнего пага, а также в тех случаях, когда границы между двумя средневековыми приходами проходят по водоразделу, часто многие признаки позволяют сделать более чем вероятное предположение о последующем разделе, который разбил первоначальное единство очертаний пага, располагавшегося прежде по обоим склонам¹.

В Восточной Лигурии Форментини указывает на примеры приходов Пинвоне, Фрамура, Чеула (теперь Монтале), которые представляют продолжение лигурийских пагов, начинавшихся у моря, поднимавшихся до морского водораздела и спускавшихся по противоположному склону до левого берега реки Вара. То же самое можно сказать о приходях Виньола (центр которого находился около Понтремоли), Варезе Лигуре (*plebs de Varia*), которые также пересекали водораздел, располагаясь по двум склонам². Кстати, сообщение Страбона (IV, 6, 5) о *Medulli*, живших на самых высоких гребнях Альп, дает право предположить, что их паги также были расположены по обоим склонам.

Мы здесь снова встречаемся с конфигурацией пага, которая не может быть сведена непосредственно к «природным условиям». Они должны были бы обусловить для водораздела роль границы, которую он фактически и выполняет, как это мы увидим, в других случаях. Расположение же тер-

¹ Средневековые документы часто описывают случаи споров между общинами, возникавшие из-за подобного расчленения древней территории пага, на которую теперь предъявляли иск *visi*, опиравшиеся на свои наследственные права. *U. F o r m e n t i n i*, *La Pieve di San Ciovan Battista di Cicagna*, Parma, 1930, стр. 5, приводит следующее характерное сообщение. В 1551 г. при решении спора между жителями долины Стурла и Фонтанабуона, с одной стороны, и маркизом д'Ория, с другой, о территории верхней части долины реки Авето была определена политическая граница по водоразделу и постановлено, что люди вышеуказанных долин сохраняют за собой право на пользование пастбищами в определенной зоне за пределами границы с освобождением от пошлин и сборов, за исключением территориальной юрисдикции маркизата. Решение этого спора — очень характерно: хотя политическая граница и устанавливается по водоразделу, за жителями долины Стурла и Фонтанабуона признано было право на бесплатное использование земель, хотя и расположенных за пределами новой политической границы, но входивших с древнейших времен в территорию пага (или *conciliabulum*), первоначально единого. Историю аналогичных и почти тысячелетних споров между Триорой, Бригой, Пьеве ди Такко и т. д. см. в сборнике документов, опубликованных *F e r r a i g o n i*, *Convenzioni medievali fra Triora e paesi vicini*, Roma, 1944.

² *U. F o r m e n t i n i*, *Conciliaboli pievi e corti*, стр. 13 слл.; о н же, *Ligures celeberrimi*, стр. 214 сл.

ритории пага по двум склонам малых хребтов может быть понято только в рамках приспособления его конфигурации к способам производства и производственным отношениям, характерным для этих племен в период их расселения и в последующие века. Действительно, внутри пага, как это мы пытались показать в нашем вышеуказанном исследовании, активное отношение этих племен к естественному рельефу выражается, в первую очередь, в использовании общих земель, временно захваченных отдельными людьми для земледелия, под луга или под пастбища, всем пагом. Это происходит после сбора урожая также и с землями, занятыми под различные культуры, а также со старыми пустошами, где снова вырастает лес или средиземноморские заросли, которые в настоящее время уже вырождаются¹.

Разумеется, вполне возможно, и Таблица Польчеверы содержит даже прямое свидетельство о том, что вблизи *visi* уже начали складываться особые отношения на участках земли, предназначенных для огородных и садовых культур. Эти культуры не имели, однако, в древней Лигурии, как об этом свидетельствуют источники, того решающего значения, которое сохранялось за наиболее простыми отраслями сельского хозяйства и, в первую очередь, скотоводством. Но для полудомашнего скотоводства, так же как и для операций по выжиганию леса, которые сыграли решающую роль в освоении новых земель, понижающиеся склоны малых хребтов с их лесами, кустарниками и лугами, при наличии примитивной техники, представляют наиболее благоприятные условия, так что вокруг этих хребтов именно и размещаются *visi*, деревушки пага, откуда ежедневно люди отправлялись работать на общественные земли, из которых они извлекали основные запасы растительной и животной пищи, а также топливо, необходимое для их повседневных нужд.

Отсюда то центральное расположение общинных земель в отношении пага, на которое обратил внимание Форментини². Рассмотрим там, где для этого имеется необходимая документация, природу той части территории пага, которая с хребта спускается по обоим склонам. Речь идет о тех отлогих землях, покрытых лесом, кустарником или занятых под пастбища, которые, как мы видели, хотя часто и не отвечают требованиям современного земледелия, тем не менее весьма благоприятны для развития мелкого

¹ При технике выжигания лесов деревья кустарников и подлесков вырубаются в конце лета, затем собираются в одно место и сжигаются до начала осенних дождей. При подобной технике, которая еще в начале нашего века широко практиковалась в наиболее отсталых районах Лигурии, можно легко превратить в пастбища и в пахотные земли участки леса и средиземноморских зарослей, не прибегая к операциям по обезлесению и поднятию целины, особенно трудоемким при отсутствии необходимых для этого металлических орудий. На выжженной и удобренной пеплом земле вырастают роскошные луговые травы. Для посевов наиболее грубых зерновых культур эти земли могут быть использованы даже безнастоящей обработки, при поверхностном бороновании. На удобренной таким образом земле одна и та же культура засеивается в течение нескольких лет, до полного истощения почвы, после чего участок снова предоставляется во власть кустарника и леса, который здесь быстро вырастает. Подобная техника выжигания леса, несомненно, сыграла важную, возможно даже решающую роль в освоении древними лигурийскими племенами обширных территорий, покрытых лесом и средиземноморским кустарником. Неслучайно именно древним лигурийским говорам приписывают термин *debbiu*, который еще в наши дни служит для обозначения этой древнейшей техники. Это слово засвидетельствовано, начиная с VIII в., в северной, тосканской, особенно лукской топонимике, на периферии лигурийской зоны. Слово это встречается в форме *debbiu*, *debiu* в корсиаканском диалекте, на территории с древним лигурийским населением, откуда оно перешло и в сардинский язык, где *dipiu* означает «обезлесение». Древнелигурийская форма с характерным формантом «-el», широко засвидетельствованным для этих говоров, встречается, как кажется, также в таблице города Велейи, в которой часто упоминаются *fundi «cum silvis et... debelisis*, где *debelisis* (исходя из контекста) вряд ли может обозначать нечто иное, чем итал. *debbi*.

² U. F o r m e n t i n i, *Conciliaboli pievi e corti...*, стр. 41 и сл.

полудомашнего скотоводства и примитивного земледелия, практиковавшихся на общинных землях пага. Сам Форментини приводит обширный, хорошо документированный и разработанный материал об этом центральном расположении общинных земель по отношению к территории приходов, которые в лигурийских горах являются продолжением древнего подразделения на паги. К приведенным уже примерам о прибрежных приходах можно добавить характерный пример прихода Марнаско, который расположен по обоим противоположным склонам западного берега залива Специи и заканчивается на горе Пароди (676 м) и Вэрмего (662 м), а также приходов Ваньоне (на Магре), Виначчара (по обоим склонам горы Алуан, в долине рек Авлелла и Серкьо), Креспиано (расположенного полукругом вокруг пастбищ Прады, превышающий на 944 м водораздел между долинами Тавероне и Авлелла) и др.

Возможно, однако, что самые крупные из этих приходов, сосредоточенных вокруг вершин или водоразделов, которые достигают значительной высоты над уровнем моря, являются скорее продолжением *conciliabula*, чем пагов. В таком случае центральное расположение пастбищ и общинных земель соответствует, очевидно, потребностям, отличным от повседневного обихода жителей пага. Подобное размещение можно скорее связать с сезонными потребностями восхождения стад на горные пастбища, для чего жители нескольких пагов, входивших в федерацию *conciliabulum*, пользовались общим пастбищем. Таков, например, как это видно из таблицы Польчеверы, случай с *ager comprascius общины* в окрестностях Генуи, который использовался, главным образом, под пастбище, но где приобретают также особое значение (учитывая близость лигурийского эмпория и Постумской дороги) сенокосные работы, рубка леса в целях получения строительного материала (*materiam*) и топлива (*ligna*). Принимая во внимание значительную удаленность многих *vici*, некоторые из которых были, возможно, расположены за Альпами, от земель общего пастбища, мало вероятно, чтобы жители различных пагов отправлялись на места, столь удаленные от их поселений, для повседневных занятий домашним скотоводством или повседневного восполнения топлива. Характерно, что в *Sententia*, с чисто римской точностью терминологии говорится *ex eo agro ligna materiamque vident utanturque*, где словом *utantur* обозначается использование соседними жителями пастбища для своих текущих домашних нужд, а термином *vident* специально оговаривается право на вывоз дровяного топлива с целью самого настоящего промышленного использования.

Словом, если два противоположных склона малых хребтов часто представляют территорию одного и того же пага, то напротив, противоположные склоны больших хребтов, в большинстве случаев, заняты разными пагами. Об этом также имеется свидетельство в Велейской таблице. В ней особенно часто указывается, что границы между двумя пагами намечаются линией или скорее полосой водораздела. Не всегда во времена записи различных владений в Ипотечную таблицу, эти полосы, которые проходили по хребтам, на границе двух пагов, сохраняли свою первоначальную природу и назначение. Римские *fundi* иной раз доходили и до верхних районов, но даже в этих случаях ряд признаков, как например, юридическое положение земли или само ее наименование, позволяет представить ее первоначальную природу и назначение.

Посмотрите, например, что происходит с границами между пагами *Velleius* и *Albensis*. Эти границы проходят по полосе сальтуса, как, например, *saltus Avega Veccius* (CIL, XI, 1147, 3, 72), *saltus Velviae Leucomeilus* (там же, 7,38), обширных лесных и пастбищных владений, которые уже своим названием переносят нас к древнему субстрату и древнему образу жизни коренного населения, владений, на начало освоения которых

в римский период в традиционной форме выжигания лесов указывает сама таблица (ср. уже приведенный выше термин *debeli* таблицы в связи с *saltus Avega Veccius*).

Но не только с пагом *Velleius* проходят по полосе *saltus* границы пага *Albensis*. Полоса, пограничная с пагом *Domitius*, также граничившим с *Albensis*, была широко использована под *fundi* (например, *Eupianus*, 1,90), которые располагались поперек самой границы. Но эти пограничные *fundi* обнаруживают еще первоначальный характер земли и ее традиционное использование: сюда также относится лес, подлежащий общему пользованию (1,87: *f. Atilianus cum silvis communionibus*; 3,69: *f. Roudelius Glitianus cum communionibus*); колонизация же и освоение этих земель еще настолько ограничены и практикуются сравнительно недавно, что в некоторых случаях сама таблица колеблется в своей терминологии между определением *fundus* и первоначальным определением *saltus* (2,91 и сл.: *fundus sive saltus Betutianus*). Одним словом, нельзя сказать, чтобы ко времени Ипотечной надписи границы пага *Albensis* со всех сторон проходили бы по полосе *saltus*: рост колонизации пробил во многих местах этой лесной и гористой местности значительную брешь. Но даже в этих случаях таблица позволяет нам почти всегда определить первоначальную природу этой горной и лесистой пограничной полосы и свидетельствует об устойчивости совместного использования некоторых земель так, как это диктуется самим естественным рельефом.

Среди пагов, границы которых (даже оставляя в стороне всякую попытку топографического отождествления самих пагов) по свидетельству таблицы представляют горную и лесистую местность, можно назвать еще паг *Domitianus*. Его границы с пагом *Ambitrebis* проходят по непрерывной полосе *saltus*, как, например, *saltus Rubacotius* (расположенный на территории двух пагов и давший название современной деревне Ревиготто). Но даже там, где колонизация пробила брешь в стене пограничного *saltus*, можно найти явные следы древней конфигурации местности и пастушеско-лесной деятельности в упоминании прав на пользование оставшимися землями *saltus*, относящимися к *fundi*, которые образовались при поднятии целины (ср., напр., 3, 57 и 60: *fundus cum communionibus*).

Мы могли бы привести еще много примеров такого рода о границах между пагами, о которых говорится в таблице города Велейи. Но добавим только два особенно интересных примера. Паг *Iunonius* был расположен на территории, прилегавшей к городу Велейе, на которой ко времени, зафиксированному Ипотечной надписью, процесс колонизации и использования земли под *fundi* зашел довольно далеко. Однако на границе этого пага с соседним пагом *Floreius* находится *saltus Nerianus Catucianus*, представляющий часть огромного лесного и пастбищного владения, которое, как это происходит со многими другими *saltus*ами, упомянутыми в таблице, распространяется, по-видимому, на территории нескольких пагов, или вернее их общих границ, в данном случае, возможно, на территорию пага *Vercellensis* и пага *Ambitrebis*, также граничащих с пагом *Iunonius*¹.

Здесь мы сталкиваемся со случаем, когда полоса леса и горных пастбищ служит границей не только двум, но, по-видимому, нескольким пагам. В той же Велейской таблице можно найти и другие примеры этого рода.

Приведем, наконец, последний пример — границу между пагом *Domitius* и пагом *Eboreus*, проходящую по *fundus Vorminianus Precele cum iure Apennini Areliasci et Caudalasci et communionibus*. Здесь можно с

¹ Ср. De Pa c h t è r e, ук. соч., стр. 40, и F o r m e n t i n i, *Forma Reipublicae Veleiatium*, стр. 13.

большой точностью и уверенностью провести топографическое отождествление. Паг *Eboreus* оставил свое название горе Эбро, на западе от Боббьо и реки Треббии. Прекеле, присоединенное к названию *fundus'a*, является, возможно, названием *vicus'a* и находит свое дальнейшее отражение в названии Прегола — старинной деревни, к западу от Боббья, недалеко от горы Эбро; таким образом, *ius Areppini Areliasci et Caudalasci* может соответствовать только общим пастбищам окрестных гор, расположенным на водоразделе к западу от Треббии, между горами Эбро, Лезина и Монте Пениче. Название *Areliasci* таблицы перешло, возможно, к современной *Areglia*, группе домов к северу от Монте Пениче, а возможно и к *Aregli*, другому местечку несколько к востоку от Боббьо. Однако, оставляя в стороне важность этих топографических отождествлений, самый текст таблицы дает нам еще один пример конфигурации границ между вельскими пагами и, более того, характера пользований, которые даже по прошествии значительного времени после римского завоевания продолжали осуществляться на этих пограничных землях¹.

При сравнении этих данных с данными, непосредственно засвидетельствованными в *Sententia Minuciorum*, ясно видно, как следует объяснить функцию границ в доримский период, границ, определявшихся тут горным хребтом: полоса территории вокруг хребта — это место *comprascua*², пастбищ и пограничных лесов, используемых двумя или несколькими пагами, двумя или несколькими племенами — настоящая пограничная марка между пагами в том смысле, в котором это слово понимается у германских народов³.

Возможно, что на границе между различными *populi* в лигурийской и кельто-лигурийской зоне эта пограничная марка приобретала большую протяженность и глубину, и среди ее функций превалировала функция разграничения и противопоставления территорий и людей, которые она разделяла. Так было, например, на стыке между лигурами и этрусками, на стыке *conciliabuli* варварских лигурийских горцев и, возможно, более развитых общин побережья. То же самое можно сказать о границе между

¹ *L a m b o g l i a*, *Liguria romana*, I, стр. 270.

² Во избежание двусмысленности, мы употребляем здесь термин *comprascio* исключительно в том смысле, как он применяется в *Sententia Minuciorum*: т. е. *ager*, находящийся в совместном пользовании у двух или нескольких пагов. В историческую эпоху, как известно, римляне употребляли термин *ager comprascius* для обозначения того, что иначе называлось *communis* или *communiones*, т. е. земель, совместно используемых членами отдельной общины, или же земель, относящихся к определенной группе *fundi* и открытых для использования владельцами *fundi*. Нельзя не заметить разнообразия экономического, исторического и юридического значения этого термина; только в более позднюю римскую эпоху эти различные значения термина *comprascio* начинают сливаться (ср. *Bognetti, Origini dei Comuni rurali*, X, стр. 200). Как мы уже предупреждали, в данной статье мы будем употреблять термин *comprascio* для обозначения земель, используемых совместно различными общинами. Подобное использование, засвидетельствованное только в таблице Польшевы, показывает уже само по себе древность и местный характер этого института в Лигурии.

³ Как известно, в германских поселениях наряду с общинными землями (*Mark*, *Allmende*, *Altmänningar*) пага, отдельного *Gau* (которые в Швеции получили специфическое название *Bysalmanningar*) встречаются земли, соответствующие нашему *comprascio* в вышеуказанном понимании этого слова, свободные для пользования всей группой *Gau*, которую можно сравнить с лигурийским *conciliabulum*. Эти пастбищные пограничные земли в Швеции, например, назывались *Landsalmanningar*. Но чаще всего у различных народов земли, изъятые из исключительного пользования той или иной общины, имели главным образом характер пограничной зоны, полосы безопасности. Цезарь (ср., например, *BG*, IV, 23) неоднократно подчеркивает этот практиковавшийся у германских племен обычай отделяться и защищаться от враждебных соседних племен широкими лесными полосами. Даже в средние века *Jarnwidrig* был еще «пограничным лесом», защищавшим датчан от саксов, в то время как Саксонский лес отделял самих саксов от славянских племен. Славянское название Бранденбурга довольно означает «лес обороны» (*Brandibor*).

лигурами и галлами. Явно защитную роль играли леса, в которых или за которыми Aruani, Friniates и другие лигурийские племена укрывались после своих набегов на территорию римлян и этрусков. Эти леса выполняли, очевидно, роль настоящей пограничной зоны между двумя *ethne* еще во времена этрусского господства. Ливий подробно останавливается на этой их функции для следующего за римским завоеванием времени. Аналогичную роль выполняла, по-видимому, в долине По *Litana silva* «обширный лес», в котором галлы *Voï* остановили и с помощью военной хитрости разбили римскую армию (Liv., XXIII, 24) и в котором они впоследствии столкнулись со вторгнувшимися захватчиками (Liv., XXXIV, 21). Описывая тех же *Voï*, Ливий рассказывает нам об *occultos saltus*, через который молодежь, скрывавшаяся с оружием в руках *in devias silvas*, чтобы продолжать сопротивление, преследовала римское войско (Liv., XXXIII, 37). Из рассказа Ливия ясно видно, что эти *deviae silvae* и *saltus occulti* образовывали самый настоящий пограничный лес. Действительно, галлы-бои во время этого похода пересекли на лодках реку По, опустошили территорию *Laevi* и *Libui* и на обратном пути встретились, наконец, с римской армией *per Ligurum extremos fines*; отсюда видно, что эта лесная полоса составляла «пограничную зону», «защитную полосу» между лигурами и галлами. Далее, в связи с другим походом, тот же Ливий (XXXIV, 48) сообщает, что Сципион опустошал земли боев и лигуров до тех пор, пока его не остановили леса и болота; таким образом, еще раз подтверждается, что граница между этими двумя народами проходила по недоступной защитной полосе.

Повторяем, что подобные данные относятся, однако, к границам между *populi* или *ethne*, которые не имеют между собой общности крови, языка, исторических традиций и которые, очевидно, не связаны между собой узами союзничества. В подобных случаях, как мы уже говорили, пограничная зона выполняет, главным образом, защитную функцию. Наоборот, в случаях, рассматривавшихся нами в связи с *Sententia Minuciorum* или с таблицей города Велейи, эта функция не имела столь решающего значения. Не исключено, таким образом, что на землях *comrascua* могли развиваться соперничество и противоречия между членами соседних пагов, подобные тем, о которых говорится в *Sententia*¹. Однако обычно *comrascua*, общие для двух и более пагов, представляли скорее почву для их связей и мирных встреч, почву, на которой различные соседние племена собирались, способствуя, таким образом, образованию территориальных объединений федерального типа (*conciliabula* по Ливию), которые, в свою очередь, там, где возникает и утверждается развитый центр городского типа, могли объединиться в еще более сложные конфедерации, настоящие *populi*.

Не исключена возможность, что именно на этих *comrascua* и из этих *comrascua*, на границе между пагами или *conciliabula*, на месте их контакта и встреч, в Лигурии возникают первые развитые центры городского типа, которые знаменуют собой более высокую ступень процесса объединения племен или общин территориального характера, путь, по которому они развиваются в связи с ростом стабильности поселений. Форментини, исходя из исследований об этимологических отношениях между лигурийской основой *alb/alp* «гора, место горных пастбищ» и терми-

¹ *Sententia* санкционирует, как известно (CIL, I, 199 и V, 7749, стр. 33 сл.), совместные права общин *Genuates* и *Langates* на пастбища *ager comrascius*, права, которые очевидно, оспаривались той или иной стороной, раз понадобилось их подтверждение. Противоречия между двумя общинами, касающиеся также других проблем, относящихся к использованию общественных земель и соответственным податям (*vectigal*), явились, по-видимому, причиной крупного конфликта, если римские арбитры почувствовали необходимость предписать освобождение *Langates*, являвшихся до тех пор пленниками *Genuates* (стр. 42 сл.).

ном *alba* «федеральная столица различных лигурийских племен», выдвинул гипотезу, согласно которой эти федеральные столицы являются образованиями, основанными на синойклизме, которые возникли в результате встреч различных племен на месте горных пастбищ или в центрах обмена и торговли на *ager comparscus*¹.

Эта гипотеза, на которой мы более подробно останавливаемся в нашей указанной выше книге, кажется серьезно обоснованной и заслуживает плодотворного и глубокого развития. С другой стороны, многие признаки нам подсказывают возможность предположения, что пастбищные леса, по которым часто проходили границы между двумя или несколькими пагами, становились (как это было и у других древних племен Апеннинского полуострова) местом отправления федеральных культов; следы последних можно найти и в Лигурии.

Для других италийских племен эта гипотеза подтверждается многими известными примерами. Достаточно напомнить культ Зевса Лация среди *Prisci Latini* на горе Альбано; и не случайно, возможно, названия горы *Albanus* и *Alba*, федеральной столицы латинских племен и места их общего пастбища повторяют (на территории, которая, согласно древней традиции, была населена лигурийскими племенами) ту же основу *alb/alp*, которая в самой Лигурии служит для обозначения и общего горного пастбища, и федеральной столицы нескольких племен. Не говоря уже о других федеральных культах *Prisci Latini*, как, например, Дианы Неморейской в лесу Ариции, напомним только, кроме федеральных культов этрусков, культ, о котором говорится в оскской таблице из Абеллы (*Cippus Abellanus*)², к свидетельству которой мы должны будем прибегнуть также во второй части нашего исследования, показывает, как известно, существование на границе между общинами *Abella* и *Nola* в Кампании храма Геркулеса, места общего культа двух общин. Полоса земли вокруг храма была исключительной принадлежностью самого храма и как таковая была исключена из всякого мирского пользования. За этой землей простиралась вторая зона, ограниченная пограничными столбами (*teremenniù*), которая являлась общим пастбищем (*terùm mùnikùm = territorium commune*), открытым для пользования двух общин, пользовавшихся его плодами (*fructatiuf mùnikù pùtùrumpid fusid = fructus communis utrorumque esset*). И у лигурийских племен встречаются признаки подобной общности культов в пограничных лесах и на *comparsca*. Все это, таким образом, заставляет предположить, что к этим древнейшим федеральным или конфедеральным культам восходят известные наскальные изображения из Монте Бего, которые вряд ли являются трудом одного только племени. Недавние археологические исследования показали, что эта зона наскальных изображений, которая до сих пор является местом горных пастбищ, куда стекаются стада окружающих ее долин, была центром подобного стечения с того времени, к которому относятся эти наскальные изображения. Конти³ доказал, что современный *gias*, являющийся одним из рудиментарных убежищ, где еще теперь укрываются стада в горах, посещался еще со времен верхнего энеолита, и, таким образом, вероятность общепастбищного характера культов Монте Бего доказана также материально.

¹ U. F o r m e n t i n i, *Conciliaboli pievi e corti...*, стр. 50 слл.; о н ж е, *Le origini di Genova*.

² K *Cippus Abellanus* ср. текст и перевод у Conway, *The Italic Dialects*, I, Cambridge, 1897, стр. 99 слл., и V. P i s a n i, *Le lingue dell'Italia antica oltre il latino*, Torino, 1953, стр. 66 слл.

³ C. C o n t i, *Scavo al «Gias del Ciari»*, «*Bollettino di paleontologia italiana*», N. S. (1943), стр. 55—78.

На лигурийской земле имеются и другие признаки, указывающие на существование религиозных культов на общих пастбищах и в пограничных лесах. Ламболия с полным основанием предполагает, что *fluvio Lucus* Певтингеровой таблицы служила местом отправления древнего культа, общего для племен *Ingauni* и *Sabates*, между которыми уже в доримскую эпоху появляются точно установленные федеративные отношения, и что именно по этой лесистой местности должны были проходить их границы. Возможно, что объектом культа в *Lucus* был тот же бог *Vogmanus*, которому в Певтингеровой таблице посвящен другой *lucus*, а именно называемый *Vogmani*¹.

То же самое нужно сказать о лигурийском лесе, сакральный характер которого, а также кровавые обряды, запретные для непосвященных, в мрачных тонах описываются Луканом (III, 399 слл.). Вероятно, этот лес служил рубежом между греками Массилии и лигурийскими или кельто-лигурийскими племенами.

На линии контакта между народностями, между различными и противостоящими друг другу *ethne*, преобладающей, как кажется, вновь является функция пограничной зоны и оборонительной полосы.

Но в других случаях, а в лигурийской зоне это всегда так, лес полосы *comrascius* представляется центром для взаимоотношений между дружественными племенами.

Так было с лесом Филетто, верхней части долины Магра, который еще в конце XIII в. под названием *sylva dompica* занимал также всю равнинную территорию между Баньоне и Мониа и в котором были найдены (под старинной сельской перекладинкой) несколько статуй-стел Луниджаны. Надпись из Сурано говорит об одном лице, может быть, управляющем имуществом короля Лиутпрандо, который *gentilium varia hic idola fregit*. Таким образом, для VIII в. засвидетельствовано устойчивое, непрерывное существование дохристианских культовых традиций в лесу, которые, возможно, восходят еще к доримскому времени. Вплоть до наших дней со всех частей Луниджаны стекается сюда население праздновать церковный праздник Святого Дженецио, который сохранил много черт примитивного земледельческого культового праздника и большого «свадебного сборища»².

Еще раз все это заставляет думать, что здесь имеются факты продолжения (не обязательно в формах специфической исторической последовательности) древнейших традиций культов в лесах зоны *comrascius*, вещественным доказательством которого является нахождение стел.

Имеются еще и другие данные, свидетельствующие о существовании, важности и порой традиционной стойкости других культов типа «пастбищных» (*comrascuale*) в лигурийском ареале. Доказательством этому является, по-видимому, и культ на горе Сан Бернарда, посвященный богу, *quem in summo sacratum vertice Peninum montani appellant* (Liv., XXI, 38); ему еще в римские времена посвящаются многочисленные votivные надписи; доказательством является также распространение культа святого Далмаццо на двух склонах морских Альп, продолжающего, вероятно, древнейшие совместные общинные культы, центр которых должен был находиться на *comrascu* водорозделов или перевалов на проторенных тысячелетиями путях³. О том, что горные вершины в Лигурии могли играть

¹ N. L a m b o g l i a, *Topografia storica dell'Ingaunia nell' antichità*, Albenga, 1933, стр. 32 слл., стр. 60 слл.; о н ж е, *Il problema delle origini finalesi*, Albenga, 1935, стр. 17 слл.

² U. F o r m e n t i n i, *Le statue-stele della Val di Magra e la statuaria megalitica ligure*, RSL, 1948, №1-3, стр. 50 слл.

³ S. R i b e r i, *Dalmazzo di Pedona e la sua abbazia*, BSSS, CX, стр. 80 и passim; L a m b o g l i a, *Questioni di topografia antica nelle Alpi Marittime*, RSL, 1943, № 2-3,

роль центров конфедеральных культов, по-видимому, свидетельствуют (кроме истолкования древних омонимов) также сделанные Мариотти замечания о горе Пенна в восточной Лигурии, где были найдены следы древних высеченных в скалах дорог, не имеющих транзитного значения. Эти дороги вели к вершине от лигурийской Ривьеры, а также от долин Авето, Чено, Таро, по адриатическому склону¹.

Но более того. В таблице города Велейи имеется свидетельство, относящееся к культам на общем для нескольких пагов *comprascius*, которое представляет особенный интерес. На границах между пагами *Albensis*, *Domitius* и *Ambitrebius*, согласно Ипотечной таблице, были расположены (к этому мы еще вернемся) два сальтуса, *saltus Rubacotius* и *saltus Rubascaustus*, названия которых имеют соответствия в именах двух божеств, *Robeo* и *Rubascasus*, упоминаемых одной надписью из Пьемонта; различные следы культа этих божеств можно найти в лигурийском ареале².

Форментини связывает названия обоих сальтусов с именами двух божеств, с которыми он отождествляет «двух богов — покровителей Домиция».

Но нельзя ли предположить, учитывая также природу территории сальтусов и факт распространения одного из этих сальтусов на территорию нескольких пагов (даже в римский период), что очертания обоих сальтусов соответствовали очертаниям (установившимся еще в доримское время) общего пастбища между пагами *Albensis*, *Domitius et Ambitrebius*, которое было местом федерального культа этих племен? Такое толкование, кажется, находит подтверждение в соседстве обоих сальтусов с *fundus Tullare*, название которого, как мы увидим далее, указывает именно на границу между собственно территорией пагов и территорией их общего пастбища.

Во всяком случае, становится ясным — на основании до сих пор изложенных соображений, — что также в этом смысле «естественный» характер строения территории пага и его границ следует понимать *cum grano salis*, в смысле природных данных, уже исторически опосредствованных, но, конечно, не развитием в смысле государственного, а, правда, примитивной, но активной взаимосвязью данного человеческого коллектива с природным ландшафтом, с одной стороны, и с соседними коллективами, с другой.

Что касается отношений с соседними коллективами, то, как известно, уже на предыдущих фазах исторического развития среди племен охотников и собирателей, еще не вполне оседлых, ощущается потребность в создании нейтральных территориальных полос для того, чтобы, с одной стороны, избежать нарушения границ на территориях, предназначенных для охоты двух смежных племен, и чтобы, с другой стороны, иметь общее поле для своих встреч и первых обменов. С дальнейшим прогрессом в сторону оседлости, естественно, эта потребность, которая является в одно и то же время потребностью контакта и потребностью обороны, ощущается с большей силой.

Мы уже видели, как в лигурийском и кельтско-лигурийском ареале эта двойственная потребность удовлетворялась там, где встречаются друг с другом большие этнические группы, различные по крови, обычаям и исторической традиции.

Мы отметили, что и здесь, на границах между различными *ethne* и *populi*, преобладающей является функция «оборонительной полосы».

стр. 145. О культах, сосредоточенных на гребне, в случае, когда общины расположены по обоим склонам, см. также A. van G e n e r, *Le folklore des Hautes-Alpes*, I, P., 1946, стр. 317 слл.

¹ Cp. U. F o r m e n t i n i, *Ligures celeberrimi*, стр. 217.

² Cp. U. F o r m e n t i n i, *Forma Reipublicae Veleiatium*; о н ж е, *Studi Veleiati e Bobbiesi*, стр. 12; о н ж е, *Per la storia preromana del pago*, стр. 53 сл.

Как выглядят, однако, границы между пагами, между самыми мелкими единицами расселения? Имеем ли мы дело в этом случае с пограничной полосой (какова бы ни была функция этих территориальных полос — экономическая или оборонительная) или же следует полагать, что между этими меньшими единицами расселения граница обозначалась, так сказать, простой линией, отмеченной пограничными столбами или другими материальными сооружениями?

Таблица Польчеверы, как известно, содержит указание о наличии пограничных столбов, разграничивающих *ager publicus* и *ager privatus* общины *Langates*, однако, оставив в стороне тот факт, что установление пограничных столбов могло бы быть следствием самой *Sententia*, а не выражением местной традиции, таблица не говорит нам определенно о границах и пограничных столбах между пагами генуэзской территории. Чем это объясняется?

Форментини еще раз выдвинул гипотезу, которая может, как нам кажется, внести существенный вклад в выяснение этого вопроса¹. Его внимание было справедливо привлечено названием одного *fundus*, именно *fundus Tullare*, засвидетельствованного Велейской таблицей (CIL, XI, 1147, 3,69 и 70) и его созвучием с этрусским словом *tular*, переводимым как «граница», «пограничные столбы» (от основы **tul-* с собирательным формантом *-ar*, который встречается в этрусском языке и во многих средиземноморских говорах)².

Созвучие это тем более заслуживает внимания, что Форментини мог показать, что *pagus Domitius* и *Pagus Albensis* (в котором *fundus Tullare* был расположен в период появления надписи) граничили точно вдоль той линии, по которой *fundus Tullare* касался *saltus Rubacotius*; о нем мы уже имели случай говорить; название его сохранилось в названии современного Ревиготто. Но более того, недалеко к югу от Ревиготто название Толлара сохраняет до сегодняшнего дня название *fundus Tullare* и отмечает на географических картах древнюю пограничную зону между обоими пагами, *Domitius* и *Albensis*.

Эти выводы направили внимание Форментини на поиски в целях возможного нахождения слова *Tullare* или его производных и продолжателей на относящейся к Велейе территории и далее в лигурийском ареале. Велейская таблица не дает других топонимов, которые можно было бы возвести к этой основе. Но в топонимике Лигурии по всей дуге Апеннин,

¹ U. F o r m e n t i n i, *Per la storia preromana del pago*, стр. 51 и сл.

² В настоящее время существует обширная литература по доримской основе **tul-* со значением «пограничный столб, граница», прямо засвидетельствованном этрусской эпиграфикой. Некоторые ученые приписывали основу **tul-* древнему «средиземноморскому» языковому фонду и полагали, что находят ее следы от Кавказа до Этрурии, Умбрии (ср. название *Tuder*, современное Тоди, на границе между умбрами и этрусками) вплоть до Иберии (ср. название *Tuledo*). Не углубляясь в этот пространственный и запутанный лингвистический диспут, мы ограничимся цитированием основной литературы, относящейся к следам этой основы на итальянской земле. Ср. по этому вопросу T r o m b e t t i, *Saggio di antica onomastica mediterranea*, Firenze, 1942, стр. 62; о н ж е, *La lingua etrusca*, Firenze, 1928, стр. 265; В u o n a m i c i, *Epigrafica etrusca*, Firenze, 1932, стр. 374 слл.; M a g i, *Etr. TULAR, SE, III*, стр. 67 слл.; T e r r a c i n i, *Ancora su alcune congruenze fra etrusco e italico, SE, X*, стр. 129 слл.; D e v o t o, *Contatti etrusco-iguvini, SE, XII*, стр. 143 слл.; о н ж е, *Etrusco e peri-indo-europeo, SE, XVIII*, стр. 195 слл.; о н ж е, *Tabulae Iguvinae*, Roma, 1940, стр. 158 слл., стр. 162 слл., 273; C o l e l l a, *Toponomastica pugliese*, Trani, 1941, стр. 41 сл.; A l e s s i o, *Un' oasi linguistica...*, SE, XIX, стр. 141, где все принимают толкование основы **tul-* «пограничный столб, граница», доказанное сначала в отношении этрусского языка R i b e z z o, *Metodi e metodo per interpretare l'etrusco*, «*Rivista indo-greco-italica*», XII, 1928, стр. 75 слл. Последний недавно возвел к этой основе также название реки *Tolerus* и *Tolerieses* (ср. R i b e z z o, *Toponomastica di Roma e del Lazio*, «*Onomastica*», март 1948, стр. 29 слл.).

от территории *Genuates* до территории *Friniates*, начиная со средневековья и даже в зонах, где, кажется, не может быть ни нижнего, ни верхнего этрусского слоя, мы находим местные названия типа Толлара, возводимые к долатинскому слову *tular*.

Форментини собрал множество этих примеров и сумел показать (даже и не с полной уверенностью, которую можно получить только от непосредственной документации, имеющейся в Велейской таблице в отношении *fundus Tullare*), что эти местные названия типа *Tollara* встречаются вообще в местностях, на которые описания средневековых приходов и другие документы указывают как на вероятные пограничные зоны между различными пагами.

Однако следует оговорить, что некоторые из этих более поздних местных названий можно отнести к латинскому слову *tabula* или *tabularium* (на эмилианском диалекте — *tòla*, лигурийском — *tòa*), что рассматривается в книге Серра¹.

Но так как название Толлара около Ревигоццо продолжает, очевидно, название *Tullare* Велейской таблицы, то есть основание полагать, вплоть до доказательства от противного, что также и другие топонимы Лигурии типа Толлара являются производными долатинского *tular*.

Мы не можем здесь долго останавливаться на важной аргументации, собранной Форментини, для подтверждения значения «граница», которое нужно придать топонимам этого типа, распространенным в Лигурии. Но нам кажется необходимым подчеркнуть, в подтверждение толкования Форментини, что можно, оставив в сторону средневековые топонимы, обратиться к производным от той же основы **tul*, зафиксированным памятником даже более ранним, чем Велейская таблица, а именно *Sententia Mincisiorum*.

В самом деле, при описании границ *ager publicus* общины *Langates*, таблица Польчеверы (стк. 18 сл.) говорит нам о его протяжении до *m o p t e m Tuledonem. Ibei terminus stat.* Как известно, формант *-edo*, как и латинский формант *-etum*, имеет собирательное значение, аналогичное значению форманта *-ag* в этрусском и в других средиземноморских говорах. Основа **tul-* слова *Tullare* Велейской таблицы фигурирует также и тут уже с другим формантом, имеющим, однако, аналогичное собирательное значение. И тут *mons Tuledo*, подобно *fundus Tullare* Велейской таблицы, оказывается на границе между двумя пагами, городским пагом общины *Genuates* и сельским *Langates*. *Mons Tuledo* опять же истолковывается как *fundus Tullare* Велейской таблицы, в смысле «гора (или, соответственно, *fundus*) границ, пограничных столбов». И здесь *Sententia* прямо указывает, что именно пограничный столб поставлен для обозначения границы (*ibei terminus stat*). Немного далее, также при описании границ *ager publicus*, та же *Sententia* (стк. 21) упоминает *fluvium Tulelascam. Ibi terminus stat.* Здесь основа **tul-* оказывается соединенной с двумя характерными лигурийскими формантами *-el* и *-asca*, имеющими, вероятно, адекватное значение. И в данном случае гидроним, производный от той же основы **tul-*, появляется на пограничной линии между двумя пагами, обозначенной пограничным столбом. Таким образом, *fluvium Tulelascam* буквально означает «пограничная река, река пограничных столбов».

Не будем здесь обсуждать вопрос, выдвинутый Форментини, о возможном (но мало вероятном) заимствовании лигурийского **tul-* из этрусского или, скорее, о его принадлежности к общему языковому фонду, из которого

¹ G. D. S e r r a, *Continuità nel medioevo delle comunità rurali romane e preromane*, стр. 31.

лигурийский и этрусский языки могли его почерпнуть. Каким бы ни было решение этой проблемы, несомненно, что в Велейской таблице слово *Tullage* находится уже в грамматически мертвой, застывшей форме, так что можно считать, что в эпоху создания надписи люди не осознавали первоначального значения этого термина, и в наименовании *fundus Tullage* оно воспринималось просто как название местности. В таблице Польчеверы, наоборот, основа **tul-* (хотя и в латинской форме топонимов) выступает еще связанной с лигурийскими формантами, и не исключена возможность, что в тот период древнее семантическое значение этого слова, «граница», было живым и понятным для населения той области.

В общем кажется вполне правдоподобной гипотеза, выдвинутая Форментини, о существовании в лигурийских диалектах основы **tul-*, заимствованной из древнего языкового фонда, имеющей значение «граница» или «пограничный столб» и засвидетельствованной, главным образом, в значении «граница между пагами». Если объяснение, выдвинутое Форментини, правильно, если оно будет подтверждено дальнейшими исследованиями, то из этого можно сделать важные заключения в целях, которые тут, в частности, нас интересуют. Нам кажется, что на этом не остановилось внимание уважаемого ученого и других ученых, как Ламболя, которые авторитетно подтвердили эту гипотезу.

Читатель позволит задержать его внимание на разрешении проблемы, к которой мы постараемся подойти, исходя именно из результатов изысканий Форментини. Обращает на себя внимание тот факт, что в таблице Польчеверы производные основы **tul-* находятся исключительно в описании границ *ager publicus*, а не в описании границ *ager privatus*. С другой стороны, как известно, описание границ *ager compascuus* отсутствует в *Sententia*, и этому отсутствию ученые давали различные и противоположные толкования и обоснования. Отсутствие производных основы **tul-* в описании границ *ager privatus* неудивительно, если принять толкование **tul-* — «граница, пограничный столб» и если иметь в виду безусловно недавнее происхождение самого *ager privatus*. Как мы пытались показать в нашем уже цитированном труде, в самом деле, только вследствие римского завоевания *ager privatus* был разграничен от *ager publicus* *Langates* как та часть территории *Langates*, которая остается в свободном пользовании местных жителей, без тех налогов, которые тяготели над *ager publicus*, обложенным *vestigal* в пользу Генуи. Основа **tul-* восходит к доримскому языковому фонду и поэтому естественно, что в топонимах эта основа употребляется только для выражения более архаической действительности и отношений, предшествующих римскому завоеванию, которые и отражены в границах между общинами. Наоборот, термины, взятые из латинской номенклатуры, как *terminus*, *finis* и другие, также относящиеся к местному языковому употреблению и еще не выкристаллизовавшиеся в топонимы во время *Sententia*, но следы которых мы находим в топонимике Лигурии в более позднее время, возможно, должны быть отнесены ко времени размежевания *ager privatus*, происшедшего после римского завоевания.

Исключительное употребление производных от основы **tul-* в описании границ *ager publicus* общины *Langates* не может нас удивлять, если его просто противопоставить топонимической номенклатуре, дошедшей до нас в описании границ *ager privatus*. Но почему же отсутствует в *Sententia* какое-либо описание границ *ager compascuus*?

На этот последний вопрос постараемся дать ответ, исходя из заключений, к которым пришел Форментини. Ответ состоит коротко в том, что **tul-* должен быть более точно истолкован не как «граница между пагами» (такой границы, как мы покажем, не существует на

территории общего пастбища), а как «граница (возможно, пограничный столб) между собственно территорией пага и общим пастбищем».

Мы уже констатировали, что центральное положение *ager compascuus* по отношению к территории пагов, конкурирующих на этом поле в использовании пастбищ, сборе дров и т. д., является, и именно в Лигурии, не случайным историческим фактом, а фактом, обусловленным самим характером техники и производственных отношений, преобладающих в этих общинах.

Отсутствие в *Sententia* описания границ общего пастбища, кажется вполне естественным, если принять во внимание, что оно оставалось, так сказать, автоматически разграниченным, так как были установлены пограничные столбы вокруг территории, принадлежащей каждой общине, примыкающей к общему пастбищу, так что границы *ager compascuus* общин *Genuates*, *Langates*, *Odiates* и др., которым эти общины пользуются совместно, обозначены ломаной замкнутой линией, внутри которой расположена территория самого *ager compascuus*. Таким образом, каждый сегмент обозначает не пограничную линию между двумя пагами (которая отсутствует на общем пастбище), а линию между общим пастбищем и территорией, принадлежащей одному из примыкающих пагов. Ввиду центрального положения «общего пастбища», обозначение пограничными столбами территории, принадлежащей каждому из соседних пагов, достаточно для того, чтобы разграничить также *ager compascuus* между пагами, вследствие чего описание его границ становится совершенно излишним. Согласно выставленной здесь гипотезе на основе постановки, данной этой проблеме Форментини, территорию *conciliabulum*, федерации пагов, которые, так же как и паги вокруг территории Генуи, объединяются в праве пользования одним общим *ager compascuus*, можно было бы схематически изобразить в форме двух концентрических кругов. Меньший, внутренний круг является «общим пастбищем», предоставленным в пользование населению всех примыкающих пагов; собственная же территория отдельных пагов предстает в такой схеме в виде секторов, расположенных между внутренней окружностью (закрывающей *ager compascuus*), и внешней, замыкающей территорию всего *conciliabulum*. Ясно, что, согласно этой схеме, различные паги не граничат друг с другом непосредственно на «общем пастбище»: чтобы перейти из территории, принадлежащей одному пагу, к территории другого пага, не смежного с ним, нужно было перейти один раз границу между территорией, принадлежащей первому пагу и *ager compascuus* и, затем, второй раз границу между *ager compascuus* и территорией, принадлежащей второму пагу.

Конкретный и достоверный пример, хотя он и взят из такой географической и этнической среды, как Кампания, которая значительно отличается от Лигурии, может помочь нам объяснить эту схему, так как она не является случайной схемой, отвечающей исключительно требованиям лигурийской среды, но обнаруживается неизбежно там, где пастбище находится в центре по отношению к двум или более общинам, которые распространяют на него свое право пользования. Пример, о котором идет речь, относится к границам между двумя общинами Кампании *Nola* и *Abella*, описанными в уже цитированой надписи из Абеллы. Текст надписи показывает, что по соглашению между двумя общинами, *Nolla* и *Abella* (*mùnikad tanginùd = communi sententia*), пограничные столбы были расположены таким образом, что включали территорию общего пастбища, периметр которого приблизительно представлял из себя окружность (*prùftùset rihtùd amnùd = posita sunt recto circuito*), с находящимся в центре нее храмом, земли которого были окружены священной оградой. Житель Нолы, который (через пастбище) хотел бы отправиться на территорию

Абеллы, должен был перейти один раз линию, обозначенную пограничными столбами, чтобы выйти с территории Нолы и попасть на общее пастбище; затем он должен был перейти такую же линию второй раз, чтобы выйти из общего пастбища и вступить на территорию Абеллы.

Словом, между двумя общинами Кампании в зоне пастбища существуют не одна, а две пограничные линии, обозначенные пограничными столбами. Вдоль пастбища граница между Nola и Abella обозначена не линией, а пограничной полосой, в то время как пограничная линия существует не на границе обеих общин, а на границе территории каждой из двух общин с пастбищем. Именно это является границей территории каждой общины с пастбищем, обозначенной пограничными столбами.

Граница между двумя общинами обозначена не только пограничной полосой общего пастбища, но также дорогой, как свидетельствует надпись из Абеллы, на которой расположен храм Геркулеса и которая к нему ведет с обеих сторон. Вдоль этой дороги, как и вдоль пастбища, находятся территории, принадлежащие Ноле и Абелле; и здесь граница условно проходит посредине самой дороги (*eissai viai mefiai teremenniù staiet = in ea via media termina stant*).

Можно было бы возразить, что этнические и географические условия Кампании, как мы уже утверждали, слишком отличны от лигурийских, чтобы можно было проводить аналогию. Но легко заметить, что расположение пограничных столбов, засвидетельствованное надписью из Абеллы, не произвольное, а вытекает со всей необходимостью из самой сущности пастбища, когда оно расположено в центре по отношению к примыкающим пагам. В самом деле, пастбище, которое должно быть открыто для пользования населением различных пагов, не могло бы быть включено в территорию какого-либо из пагов и находиться за пограничными столбами в пределах его границ без того, чтобы тем самым не потерять характера открытой территории, не подверженной ограничениям, которые родоплеменная исключительность и священный характер границ, периодически подтверждаемый *lustratio pagi* и аналогичными обрядами, распространенными среди всех народностей полуострова, налагали на собственно территорию пагов. В этой связи будет достаточно вспомнить (чтобы не приводить примера из другой этнической среды) строгость, с которой в игувинских надписях *exesratio* изгоняет любого чужестранца с территории городского пага, границы которого были размечены во время обряда *lustratio*¹.

И как могла бы быть включена в таких условиях, преобладавших всюду в древних общинах полуострова, территория пастбища, в целом и в частности, в область границ отдельного пага, когда на территории пастбища жители различных примыкающих к нему пагов должны были иметь возможность свободно передвигаться не только для совместного использования пастбища, для сбора дров и т. п., не только в целях торгового обмена и политических встреч на ассамблеях *conciliabulum*, но также в целях отправления обрядов и культов, общих для населения различных пагов?

¹ Ср. De voto, *Tabulae Iguvinae*, Roma, 1940, стр. 273 и сл.; он же, *Le Tavole di Gubbio*, Firenze, 1948, стр. 45 и сл. и стр. 87 и сл. Характерным является факт, что в Губбио посредством *exterminatio* изгоняются с территории общины на время *lustratio* не только чужестранцы, нахарки, этруски и иаподы (*turskum, paharkum numen, iarpzkum numen*), но также население соседнего города и представители умбрийского племени Tadino (*tuta tarinate, trifu tarinate*); и как против одних, так и против других вызывают к богам, чтобы «против них на любой дороге направился враг», чтобы «они были обращены в бегство, устрашены, чтобы они провалились, покрылись снегом и морским валом, были побиты, простерты на земле и связаны», и в то же время призывают мир на город и на племя Губбио. Здесь имеется доказательство племенной исключительности, на которую мы указали в тексте, в отношении такой общины как община Tadino, с которой жители Gubbio, конечно, не могли не иметь определенных добрососедских отношений.

Конечно, в более позднюю эпоху (что, как мы надеемся, нам удалось показать в нашем вышеуказанном труде), с развитием римской колонизации и распространением частных *fundi* вплоть до территорий древних *comprascua*, эта «нейтральность» (назовем ее так) *comprascua*, открытых для пользования нескольких пагов, начинает исчезать, и их территория, наконец, распределяется между примыкающими пагами.

Не будем распространяться о средствах и формах этой более поздней эволюции, характерной для времени, когда паг уже в значительной степени потерял свои первоначальные функции. Во времена Ипотечной надписи процесс этот уже довольно продвинулся, хотя и не был завершен.

Действительно, на границах между пагами, как мы уже видели, часто находим полосу *сальтуса*, которая является как бы продолжением древних *comprascua* между двумя и более пагами. Эти пограничные *сальтусы* теперь по большей части включены в территорию одного пага или разделены между территориями двух или более соседних пагов. Но имеются случаи, когда Ипотечная надпись не может еще уточнить, к территории какого пага они должны быть приписаны, чем, собственно, и выявляется очевидный след их древней «нейтральности» как общего пастбища¹.

Однако ясно, что в доримскую эпоху (пока паг остается на лигурийской земле действительной единицей поселения тех древних племен) для того, чтобы выполнять экономическую, политическую, религиозную функции, территория общего пастбища должна была быть исключена из границ, которые отделяют собственную территорию каждого пага; и там, где (чаще всего в Лигурии) общее пастбище занимает центральное положение по отношению к пагам, которые на нем объединяются для общего использования пастбища, его площадь остается неизбежно очерченной не своими собственными границами, а границами отдельных пагов, что исключает его из собственно территории отдельных пагов.

Однако из центрального положения общего пастбища и из последствий, вытекающих из него, не следует создавать слишком схематическую картину, какой, по-видимому, является картина, предлагаемая Форментини. Как мы уже отметили, многоуважаемый ученый, внесший столь важный вклад в разъяснение этих проблем, исходит из мысли, будто центральное положение общего пастбища и вышеописанная «концентрическая схема» неизбежно приводят к тому, что «каждая группа граничит с другой стороны обработанного поля, вследствие чего тут имеет место не граница надзора и обороны, а священная граница, охраняемая обоюдным доверием»².

В самом деле, в строго концентрической системе были бы неизбежны последствия, на которые указывает Форментини. На *ager comprascuus* примыкающие к нему паги были бы разделены не пограничной линией, а всей шириной пастбищной территории, и чтобы пройти из одного пага в другой по этому пути, нужно (как мы уже знаем) перейти не одну, а две пограничные линии, обозначенные пограничными столбами. Однако между смежными пагами, расположенными подобно секторам в большом концентрическом круге вокруг центрального круга общего пастбища, граница будет отмечаться, согласно этой схеме, уже не полосой территории *ager comprascuus*, а простой пограничной линией, так что в этом смысле каждый паг, правда, не со стороны общего пастбища, а со стороны обработанной земли должен непосредственно граничить с двумя смежными пагами, на которые можно пройти, переступив только одну линию границы, отмеченную пограничными столбами.

¹ Так например, в Велейской таблице речь идет о землях, расположенных «в одном паге или же в другом» (*pago Domitio sive Ambitrebio*) или прямо-таки «в данном паге или в каком-либо другом паге того *civitas*» (*pago Junonio sive quo alio in Veleiate*).

² U. F o r m e n t i n i, *Conciliaboli pievi e corti*, стр. 50.

Все же если перенести схему на землю, картина получается конкретно (поскольку дело касается границ между смежными пагами) довольно отличной от картины, представленной схемой. Земли общего пастбища, представленные, главным образом, высоким горным хребтом или горным массивом, вокруг которого располагаются территории отдельных пагов, весьма далеки от того, чтобы иметь точное очертание круга. Напротив, от самого горного хребта или горного массива разветвляются и постепенно снижаются к территории близлежащих пагов горные цепи и небольшие гребни, которые не отличаются своей геологической природой, растительным покровом и производственным предназначением от центрального массива. Все это приводит к мысли, что отроги гор, которые разветвляются в разных направлениях между территориями, принадлежащими отдельным пагам, исполняли ту же самую функцию, которую Форментини установил в отношении больших хребтов и центральных массивов. Таким образом, вдоль центрального «круга» пастбища, а также на периферии обработанные земли или, точнее, земли, принадлежащие разным пагам, совсем необязательно находятся в непосредственном контакте друг с другом; они могут быть отрезаны отрогами гор пастбища, которые расходятся лучами от центра и проникают в разных направлениях в земли пагов, обозначая границы не одной линией, а опять же пограничной полосой.

Все, что можно, основываясь на таблице Польчеверы, а также на Веллейской таблице, извлечь о расположении древних *comparscua*, подтверждает, как мы уже отметили, вероятность этой гипотезы.

Там же, где для обозначения границ между территориями, принадлежащими пагам, мы не находим полосы пастбищной земли, все приведенные соображения заставляют нас думать, что (как и в случае, приводимом надписью из Абеллы, или самой таблицей Польчеверы) границы между «обработанными землями», между землями, принадлежащими различным пагам, никогда не были обозначены простой пограничной линией, а дорогой или рекой, которые как бы принимали функцию пастбищной полосы, что выражалось, с одной стороны, в использовании их обеими общинами, а, с другой, в том, что собственные территории смежных пагов не находились в непосредственном контакте друг с другом.

Правило это, согласно которому собственные территории отдельных общин не граничат непосредственно друг с другом, а разделены полосами нейтральной территории, приобретает особенно большое значение, когда от границ между пагами мы переходим к рассмотрению границ между большими человеческими коллективами, как *conciliabula* (условный смысл которого был уже уточнен) или *ropuli*. Мы уже отметили, что в этом случае пограничная полоса играет главным образом оборонительную роль, в случае же, когда дело идет о границах между пагами, большее значение приобретает очевидно, функция общего пастбища. Однако, как в одном случае, так и в другом, норма непрямого соприкосновения между территориями, принадлежащими различным этническим группам, оказывается всегда соблюденной, по-видимому, отвечая экономическим, политическим, военным и культурным требованиям, основанным на той родовой, племенной и этнической нетерпимости, которая является еще характерной для фазы перехода от родовой общины к общине территориальной. Тем более нельзя поэтому принять тезис Форментини, согласно которому в лигурийском ареале обработанные территории отдельных пагов находились в непосредственном контакте одни с другими. Также кажется неоправданным противопоставление, которое многоуважаемый ученый хотел бы установить между функцией общего пастбища на лигурийской земле и той же функцией, засвидетельствованной для других народов, например германцев, у которых в случае войны совместная пастбищная территория превращается из центра сообщества в

пограничную зону и в полосу безопасности между враждебными племенами.

В действительности, обе функции «полосы безопасности» и, соответственно, «центра сообщества» обнаруживаются как в лигурийском общем пастбище, так и в немецком Mark или шведском Allmänningar; они приобретают большее или меньшее значение в зависимости от близости отношений, которые устанавливаются взаимно между общинами одной и той же федерации, или внутри одной конфедерации, или между общинами, принадлежащими различным народам или различным ethne, и в зависимости от силы и частоты противоречий, разделяющих эти общины. Даже между общинами, тесно связанными между собой внутри одного и того же conciliabulum, как свидетельствует таблица Польчеверы, бывают споры за использование общего пастбища и трения, которые предполагают именно продолжение и относительную нормальность добрососедских отношений.

Но, с другой стороны, на границе между территориями более крупных этнических групп, хотя и разделенных частыми враждебными действиями, мы не можем представить себе оборонительную функцию наиболее широкой «полосы безопасности», совершенно оторванной в мирное время от функции «центра сообщения», которая, хотя, несомненно, приобретает здесь гораздо меньшее значение, однако выражает настоятельную потребность этнических групп, между которыми не были исключены контакты и мирный обмен.

Если подводить итоги нашему исследованию, то можно вывести заключение, что конфигурация лигурийского пага представляется в самые древние времена не просто обусловленной естественными данными, но опосредствованной длительным историческим процессом, отношениями и способом производства, характерными на этой территории для фазы перехода от родовой общины к общине территориальной. Во всем этом особого внимания заслуживает центральное положение пастбища, которое необходимо связать с методами скотоводства, в частности, на летних пастбищах, с примитивными методами выжигания леса и обработки пашни мотыгой (реже плугом) на исследуемой территории.

На общих землях лигурийского пага население его применяло эту примитивную технику для временной обработки отдельных участков земли или для мелкого полудомашнего скотоводства. Но как одни, так и другие формы использования примитивной техники требуют также включения системы летних пастбищ, которая осуществляется не на собственных землях пага, а на общих пастбищах, используемых двумя или большим числом общин.

На общем пастбище население соседних пагов участвует в общем его использовании, завязывает первоначальные отношения обмена, а также первые политические и культовые отношения. Но все же в федеральных формах conciliabulum население каждого отдельного пага надолго сохраняет характерные черты древней родовой и племенной исключительности, а также свою этническую индивидуальность. Таким образом, общему пастбищу принадлежит также, наряду с функцией центра общения, и функция оборонительной полосы или нейтральной границы.

Эта последняя функция, само собой разумеется, выступает яснее на границе между более крупными этническими группами, различными по крови, языку и обычаям, но и на границе между пагами эта функция осуществляется в том смысле, что непосредственные территории пагов не находятся обычно в прямом контакте друг с другом, а отделены полосой общего пастбища, или же либо дорогой, либо рекой, заменяющими эту полосу. Вдоль центрального круга общего пастбища и вдоль полос общего пастбища, расходящихся от центра к периферии, проходят

пограничные линии, возможно, отмеченные пограничными столбами, которые замыкают территории, принадлежащие отдельным пагам. Поэтому, чтобы пройти с территории одного пага на территорию другого, нужно обычно пересечь полосу общего пастбища и перейти не одну, а две пограничные линии. Общее пастбище, со своей стороны, не ограничено собственными границами; для выполнения им своей роли необходимо, чтобы территория общего пастбища осталась бы исключенной из сети границ, замыкающих территорию отдельных пагов. Но благодаря центральному положению общего поля по отношению к соседним пагам его пределы остаются, так сказать, автоматически определенными пересечениями пограничных линий пагов.

В более позднее время, с распространением римской колонизации, постепенным падением значения пага как единицы расселения подвергается изменению также и его конфигурация.

Действительно, с уменьшением и исчезновением родовой и племенной исключительности сложные функции древних полос общих пастбищ сводятся к основной производственной функции территории, открытой для общего использования уже не двух пагов, но скорее двух или более соседних *fundi*. Этой, как и другим формам «приватизации» общего пастбища соответствует распределение его территории между территориями отдельных пагов. Значение же самих пагов теперь сводится к функциям, главным образом религиозным, административным и кадастровым. В отличие от того, что происходило в более древние времена, паги в более позднюю римскую эпоху граничат непосредственно друг с другом вдоль простой пограничной линии. Древние земли общего пастбища, если и сохраняют еще часто примитивную производственную функцию, не прерывают более нейтральными полосами смежность и непрерывность непосредственных земель пага; они не находятся уже под властью традиционной родовой и племенной исключительности, но подвержены, возможно, новым узам частной или общественной собственности.

Во всяком случае во времена *Sententia Minuciorum* эта более поздняя эволюция едва намечалась. Для истолкования текста *Sententia* и для возможного установления территории *ager publicus* и *ager privatus Langates* полезно иметь в виду эти заключения, которые могут казаться сами собой разумеющимися, но которые не принимались должным образом во внимание теми, кто занимался этим вопросом.

Нашим исследованием мы хотели внести скромный вклад в разрешение сложных проблем образования и строения доримского пага, уделяя особое внимание лигурийскому ареалу, для которого жизнеспособность этой древней единицы расселения шире документирована.

